

М.А. Дьяконова¹. Он отметил ряд замечаний по частным вопросам (например, рецензент подискутировал по вопросу о «живущей четверти»). Дьяконов также выразил сомнение касательно демографических выкладок Готье, отметив их неубедительность и методическое несовершенство². Несмотря на это, общий вывод был вполне положительным: «...Я должен признать, что наряду с некоторыми отрицательными сторонами исследования, в числе которых главными я считаю необоснованность в иных случаях методологических приемов и неточность допущенных определений, оно представляет и ряд серьезных достоинств. Автор собрал значительное количество ценного материала и старался его сгруппировать и осветить... за ним должна остаться честь первого почина в разработке груды сырого материала»³. Таким образом, в этом очень осторожном отзыве, с одной стороны, Дьяконов признавал вклад Готье, но, с другой, подспудно указывал на то, что его выводы не всегда убедительны и далеко не окончательны, его работа — только первый шаг. Несмотря на это, благодаря отзыву Дьяконова, книга Готье получила Уваровскую премию⁴.

2. Фундаментальное исследование С.Б. Веселовского «Сошное письмо»

Проблемы экономической истории разрабатывались Веселовским на протяжении многих лет. В начале его научной карьеры в центре внимания находилась податная история Московского царства XVII в. Первоначально он планировал заняться историей косвенных налогов. Но по мере изучения вопроса историк пришел к нескольким важным выводам: «Во-первых... выяснилось, что история этих налогов представляет сравнительно с прямым обложением второстепенный интерес... Во-вторых, я убедился, что исследование косвенного обложения неудобно, а понимание его невозможно без предварительного знакомства с историей прямых налогов»⁵. Значительно изменился вектор исследования после выхода монографии Готье. Написав критический отзыв на его работу, Веселовский принял решение не только высказать свою точку зрения, но и попытаться разрешить им же поставленные проблемы. Он обратился

¹ Дьяконов М.А. Отзыв о сочинении Ю.В. Готье «Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси». М., 1906. СПб., 1909.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 43.

⁴ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 64.

⁵ Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и пошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. С. III.

к истории сошного письма, «чтобы заполнить... пробелы способствовать дальнейшему, более, как казалось, правильному изучению писцовых книг и пользованию ими в научных целях»¹. Поэтому в своей книге «Сошное письмо» он постарался подробно остановиться на проблеме составления и использования писцовых книг.

В данном шаге прослеживается не просто хорошо продуманный научный подход, но и целая система, собственное представление о методике исторического исследования. Веселовский, как практикующий историк, концентрировал свое внимание на проблемах методики исторического познания. Его мало интересовали онтологические аспекты исторического процесса, поскольку он считал, что еще не настало время для широкомасштабных обобщений. Но рассуждения историка о методах работы с историческим материалом тесно переплетались с рефлексией на основные тенденции развития исторической науки. По мнению историка, отечественная наука вступила в так называемый «монографический» период своего развития, когда ученые, следуя требованиям современной им науки, стремятся проводить исследования на достаточно узкие темы, рассмотрение которых основано на привлечении широкого круга источников. Этому периоду предшествовал этап, когда господствовали «историки старого типа, которые берутся за обобщающую работу, построенную по предвзятым схемам»². Такой подход, по мнению автора, был уже неприемлем. Отмечая общее состояние научно-исторических исследований в России, Веселовский писал: «Дух критики и более высокие требования, предъявляемые ныне к научной работе вообще и к истории в частности, затрудняют работу ученого и заставляют его суживать поле исследования, чтобы охватить по возможности полнее доступный материал и прийти к выводам, способным выдержать строгую критику»³.

Отмечая тенденцию сужения поля исследовательского поиска, историк, тем не менее, не отрицал и того, что ученые должны создавать и работы концептуального характера. «История, как и другие науки, несомненно, переживает период специализации исследований. При таких условиях значение работ обобщающего характера все более и более увеличивается», — утверждал Веселовский. В его понимании, дальнейший прогресс исторического знания должен быть обеспечен тесным сотрудничеством между историками-монографистами и историками-концептуалистами. В этом случае специалисты по узкой проблематике

¹ Там же. С. V.

² *Веселовский С.Б.* Предисловие // Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. М., 1913. Т. 1. С. III.

³ Там же.

становились бы «подносчиками снарядов» для ученых, склонных к синтезу. Взаимовыгодная кооперация позволяла бы первым участвовать своими узкоспециальными работами в общем процессе «движения науки», что и придавало бы ценность их труду, а последним — получать готовые факты для обобщений.

Но каким же образом сформировать условия для такого сотрудничества? Веселовский отвечал на этот вопрос следующим образом: «Для того, чтобы сотрудничество общих историков и монографистов было плодотворно, нужно несколько условий. Главными являются планомерность и прозрачность... монографических исследований. Первое условие очень желательно, второе — нам кажется необходимым»¹. Таким образом, автор цитаты высказывает важную мысль о том, что процесс производства научных знаний должен иметь целенаправленный характер и осуществляться силами всего научного сообщества. В этом улавливается тенденция все возрастающей кооперации усилий ученых в исторической науке в начале XX в. Именно это время характеризовалось отходом от чисто индивидуальных форм наукотворчества к созданию официальных и неформальных коллективов, деятельность которых была нацелена на решение общих проблем.

Но идея необходимости координации действий, по мнению Веселовского, сталкивается с множеством трудностей. Первой из них является хаотичность выбора тем для монографического исследования. Историк связывал это не только с индивидуальными пристрастиями исследователей, но и с тем, что «большая часть архивов не описана и недоступна для исследователей, что вообще первоисточники в надлежащей степени не приведены в известность». Как следствие, «большинство исследователей выбирают темы для своих работ без достаточно определенного представления о качестве и количестве сохранившихся первоисточников»². Таким образом, автор призывал к планомерному изучению и публикации исторических материалов.

В понимании Веселовского, выбор темы должен исходить из двух предпосылок: социальной актуальности вопроса и текущих задач исторической науки³. Историк писал, что в связи с продолжающейся дифференциацией знания может сложиться впечатление, будто «наука утрачивает чутье живой действительности», но на самом деле «такой разрыв только кажущийся», поскольку часто конкретные исследования сочетают в себе и социальную значимость, и научную ценность⁴. Суммируя

¹ Там же. С. IV.

² Там же.

³ АРАН. Ф. 620 (С.Б. Веселовского). Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 5 об.

все выше сказанное, историк писал: «Желательно сочетание двух точек зрения. Чуткое и внимательное отношение к вопросам современности, с одной стороны, и знание текущей литературы вопроса»¹. Во вступительной лекции к практическим занятиям по истории русского права, которые Веселовский вел в Московском университете, историк также обращает внимание на выбор темы исторического исследования. Первый случай — это когда тема выбирается совершенно случайно. «Это, конечно, худший путь, путь разочарований и бесплодной траты труда»². Другой путь — выбор проблематики для исследования по соображениям неизученности того или иного вопроса. Это редко приводит к положительным результатам: «Мы рискуем натолкнуться на непредусмотренные затруднения — на отсутствие или нехватку источников, на недостаточную обследованность соседних с избранной темой вопросов, наконец, на ложную постановку вопросов исследования, проистекшую не из источников, а из ложных посылок»³. Третий путь — это выбор темы в зависимости от требований современности. Такой шаг позволяет актуализировать историческое знание, сделать его интересным для широких масс, но это может привести к «противонаучной тенденциозности», что также не будет способствовать развитию исторической науки. Самой распространенной причиной выбора проблематики автор считал выбор под влиянием авторитета маститых ученых. Этот путь хорош тем, что позволяет поддерживать преемственность между различными поколениями историков. Но главная его опасность заключается в том, что под давлением авторитетов начинающий исследователь может пойти в ложном направлении. Самым же плодотворным Веселовский считал «путь искания новых источников и выбора тем в зависимости от количества и содержания сохранившихся источников»⁴. Таким образом, здесь мы наблюдаем некоторую конкретизацию точки зрения ученого. Не только текущие задачи исторической науки, но и солидная источниковая база — вот залог успешного выбора темы для будущей научной работы.

Целенаправленный выбор тем для исследований, по мысли Веселовского, должен был создать благоприятный климат для поступательного развития научного знания. Но при этом историк не считал, что научная работа должна идти по заранее кем-то определенному плану, поскольку

¹ Там же. Л. 6.

² *Веселовский С.Б.* Вступительная лекция к практическим занятиям по истории русского права, прочитанная в Московском университете // *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 293.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 295.

ку это «несовместимо с необходимой для научных исканий свободой». Он совершенно верно отмечает, что «вред от возможных в предначертанных планах ошибок может оказаться значительно пользы, ожидаемой от планомерности работы»¹. Тем не менее планирование работы, по мысли историка, необходимо. Инициатива в координации усилий исследователей должна принадлежать университетским центрам. Заметим, что в данной мысли четко прослеживается все возрастающее понимание историками начала XX в. того, что научная работа превращается в коллективный труд, где необходимо координировать усилия. Но и тезис о важности творческой свободы также находил понимание в научно-историческом сообществе.

По мысли Веселовского, на всем протяжении своей работы историк не должен делать поспешных выводов, которые могут завести его в тупик. Только осторожность и научная обоснованность гипотез позволяет сделать уверенный шаг вперед: «Равномерное, хотя бы и медленное, движение вперед будет обеспечено только тогда, когда монографисты будут стремиться и прилагать все усилия к тому, чтобы их работы оставалось дополнять исправлять в частностях, а не переделывать наново»².

Важнейшие мысли, посвященные технике исторического исследования, находим в дневниковой записи Веселовского, датированной 21 ноября 1928 г.³. Историк недавно опубликовал небольшую монографию «К вопросу о происхождении вотчинного режима» и приступил к написанию книги «Феодальное землевладение Северо-Восточной Руси», труда, ставшего для него итоговым. Работа над столь сложной темой заставила ученого вновь обратиться к осмыслению проблем ремесла историка. В самом начале Веселовский отмечает, что ученый должен избегать как «симплификации» (упрощения) прошлого, так и «беспомощного эклектизма». Для этого необходимо «большое напряжение исследовательской мысли при солидной подготовке и изучении фактов»⁴. На его взгляд, исследователь не может представить полную картину прошлого по причине фрагментарности дошедших до нас источников. Но при этом в положении историка есть и плюсы: он может рассмотреть интересующие его вопросы в широком историческом контексте, тем самым увидев то, что не могли заметить современники. Но и здесь Веселовский пишет

¹ *Веселовский С.Б.* Предисловие // Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве... С. IV.

² Там же.

³ *С.Б. Веселовский* в письмах, мемуарах, дневниках // Подг. А.М. Дубровский // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 2004. С. 215–241.

⁴ Там же. С. 226.

о необходимости осторожности: «Историк всегда подвергается опасности (искушению) объяснять и оценивать те или иные явления прошлого по результатам»¹. Исследователь как бы навязывает прошлому то, чего там никогда не было. Это может привести не только к тому, что ученый неправильно интерпретирует исторические процессы или события, но и вообще потеряет «способность устанавливать факты прошлого».

Надо отметить, что вышеизложенные идеи о работе историка образовывали в работах Веселовского устойчивую систему, которая приобретала все бóльшую целостность от исследования к исследованию. Указанные принципы Веселовский последовательно претворял в жизнь в своих работах.

Таким образом, Веселовский пришел к пониманию необходимости соотнесения своих научных штудий с потребностями самой науки, чуткому пониманию основных направлений ее движения. Отметим, что эта мысль была близка именно младшему поколению Московской школы, на практике создавшему взаимодополняющие монографические работы.

Дальнейшая работа над историей сошного письма, по словам самого же ученого, определялась состоянием источниковой базы. «История сошного письма, в зависимости от сохранившихся писцовых книг и актового материала, начинается собственно только с последней четверти XVI века. Обильный материал за время от воцарения Михаила Федоровича ставит исследование уже на вполне прочную почву и способствует пониманию отрывочных и недостаточных источников предшествующего времени»², — заявлял автор.

Первой опубликованной монографией на эту тему стала небольшая книга «Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича». Во введении автор сразу обозначил свою приверженность экономической истории, столь популярной в среде московских историков того времени: «Настоящая работа есть начало предпринятого автором исследования по истории финансов Московского государства XVII в. в связи с историей народного хозяйства»³. В данной книге историк рассмотрел механизм взимания чрезвычайных налогов, на некоторое время дополнивших сошное обложение. Причин их появления было несколько: 1) «Опустошения, произведенные Смутой, внесли большое несоответствие между сошным письмом и действительным положением»; 2) отсутствие единой меры сохи в стране; 3) «Значительные платежи средства ускользали от сошного обложения... Нужно было найти

¹ Там же. С. 227.

² *Веселовский С.Б.* Сошное письмо... Т. 1. С. V–VI.

³ *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 3.

иную форму обложения, которая... дала бы значительный доход и настигла бы по возможности действительные платежные силы населения»¹. Но действительность оказалась сложнее, и на деле сборщикам пришлось учитывать те привилегии, которые сложились еще при сошном обложении².

В исследовании Веселовский выразил свое понимание сущности пятинных денег. В исторической литературе существовала неопределенность по этой проблеме. По мнению П.Н. Милюкова, пятинные деньги — это налог с дохода³. С точки зрения С.Ф. Платонова, это поимущественный доход⁴. В понимании В.О. Ключевского, налог «не требовал пятой доли ни всякого имущества, ни всего дохода с него, а брал наименьший годовой доход только с торгового оборотного капитала или доходной недвижимости лавки...». Впрочем, Ключевский отмечал, что «в одних местах пятую деньги поняли как поимущественный налог... в других его взимали по окладу какого-либо обыкновенного налога»⁵.

Веселовский подробно рассмотрел саму идею и практику взимания этого налога, придя к выводу: «Пятинна не могла стать поимущественным налогом, так как не было никакой возможности взять пятую долю недвижимости. С другой стороны, она не могла стать подоходным налогом, так как существенные элементы этой формы обложения не были доступны тогдашним понятиям и фискальным средствам. На практике получалось что-то среднее между этими двумя формами обложения, какая-то несуразная помесь различных несоединимых принципов»⁶. Это был налог с наличной движимости. По наблюдению автора, сбор пятинных денег привел к упадку торговли. В общем он охарактеризовал пятинные и запросные деньги как «уродливую и неудобную форму»⁷. Тем не менее историк отметил тот факт, что данный подход нашел применение во многих странах Европы того времени⁸, отметив тем самым, что Московское государство шло в общем русле европейского развития. Очевидно, что к такому выводу ему помогло прийти хорошее знакомство с налоговой системой западных стран, приобретенное в ходе работы над кандидатским сочинением по истории финансов во Франции.

¹ Там же. С. 20–25.

² Там же. С. 29.

³ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 60.

⁴ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов-на-Дону, 2000. С. 222.

⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. III. М., 1988. С. 220.

⁶ Веселовский С.Б. Семь сборов... С. 57.

⁷ Там же. С. 88.

⁸ Там же. С. 29.

В качестве приложения к исследованию ученый опубликовал 76 документов по теме. Объяснением этому шагу является не корыстное желание увеличить объем работы, а совершенно продуманная научно-методическая позиция историка. Коллективный характер научной работы, на котором настаивал историк, приводит и к необходимости делать работу каждого историка «прозрачной» для коллег. «В исторических работах важны не только окончательные выводы исследователя, но и весь процесс работы»¹, — утверждал Веселовский. По мысли автора, если каждый профессиональный историк сделает понятным и прозрачным ход своих рассуждений, то другие специалисты будут испытывать к его трудам большее доверие и активнее использовать их в своих работах. «При исследовании особо сложных вопросов целесообразно... дать в распоряжение историка всю лабораторию, чтобы он мог не только проверить выводы исследователя, но и воспользоваться его материалами и сделать... более важные выводы»². Ясность хода исследования помогает более продуманной и аргументированной критике, что также способствует поступательному развитию исторического знания.

Самыми простыми и действенными способами создания прозрачного научного исследования, с точки зрения историка, являются, во-первых, точный и удобный аппарат ссылок и, во-вторых, публикация использованных архивных источников. Введение в научный оборот ранее не известных документов налагало дополнительную «трудовую повинность» на ученых, но только так, по мнению Веселовского, можно было показать всю «кухню» исследования. Отдельная публикация источников способствовала и тому, что текст самой работы освобождался от пространных цитат источников в тексте исследования, затрудняющих усвоение материала. Самым простым способом публикации источников является их издание в качестве приложения к исследовательской работе. «Исследование устареет и утратит под ударами критики часть своей первоначальной репутации, но исправно изданные источники будут для науки прочным приобретением», — считал ученый³. Данная мысль представляется революционной в коллективном наукотворчестве. Таким образом, Веселовский проводил идею последовательного синтеза археографического и собственно исторического исследования. Это в разы повышает фундированность работ и позволяет не только вводить в научный оборот новые источники, но и поддерживать их в актуальной форме в исследовательском информационном поле. Историк признавал и негативные черты выбранного

¹ Веселовский С.Б. Предисловие // Акты писцового дела... Там же. С. IV.

² Там же. С. V.

³ Там же. С. VI.

подхода, в частности замедление работы¹. Но позитивные моменты казались ему очевиднее.

На книгу появилась рецензия молодого киевского историка Е. Сташевского. В ней он писал, что монография Веселовского интересна не темой, ставшей достаточно типичной для современной ему исторической науки, а «приемами и задачами исследования», тем, что автор впервые дал подробный анализ запросных и пятинных денег². Е. Сташевский справедливо заметил, что важно различать саму идею этих налогов и ее реализацию. По его мнению, Веселовский сделал это не в достаточной мере³. Подводя итог, он писал: «...Недостатки не могут умалить значение книги С.Б. Веселовского. Она оригинальна, колоритна и притом задумана строго научно»⁴. Вскоре были напечатаны еще два небольших положительных отзыва на книгу в «Историческом вестнике»⁵ и «Русском богатстве». В журнале «Русское богатство» В.А. Мякотиным⁶ работа была названа «небольшим, но содержательным исследованием»⁷.

Таким образом, публикация монографии способствовала закреплению за историком славы талантливого и трудолюбивого исследователя и археографа. Сам Ключевский, со слов Веселовского, в частной беседе отметил его мастерство в работе с источниками⁸. Это, безусловно, ему польстило. Начинаящий ученый постарался ознакомить со своей работой как можно большее количество специалистов, разослав ее экземпляры наиболее заметным историкам страны.

Работа над основным исследованием протекала планомерно. Веселовский сконцентрировался на подготовке публикаций исторических источников, связанных с его темой. Тем самым он как бы готовил научное

¹ Там же.

² *Сташевский Е.* Рец. на: Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908 // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1909. Ч. 13. С. 166.

³ Там же. С. 179.

⁴ Там же. С. 194.

⁵ Рец. на: Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908 // Исторический вестник. 1909. Т. 148. С. 1137.

⁶ Авторство установлено: *Эльзон М.Д.* Анонимные рецензии на историческую литературу в «Русском богатстве» (1895–1917 гг.) // История и историки: Историографический ежегодник. 1973. М., 1975. С. 347.

⁷ Рец. на: Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908 // Русское богатство. 1910. № 8. С. 111.

⁸ *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 108.

сообщество к оценке его исследования по истории финансов России XVII в. В его работе снова прослеживается четкая система: предварительная публикация источников должна была способствовать верификации его будущих выводов. Таким образом, он четко и строго придерживался тех методических принципов, которые, по его мнению, должны способствовать прогрессу исторической науки.

В 1910 г. в свет вышли «Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг.» (М., 1910). Книга была подготовлена к 300-летию юбилею окончания Смутного времени. Во введении автор-составитель объяснил необходимость публикации материалов тем, что они позволяют заполнить существовавший пробел в изучении социально-экономического развития Нижегородского региона, вызванный плохой сохранностью писцовых книг. В данном случае Веселовский, видимо, стремился продемонстрировать и тот факт, что анализ не только писцовых книг может позволить изучать экономическую историю России. Излишняя увлеченность историков писцовыми книгами вызывала у него известную долю скепсиса.

На следующий год Веселовский выпустил сборник документов, освещавших деятельность подмосковных ополчений в 1611–1613 гг.¹ В этой публикации историк подчеркнул роль ополчений в появлении чрезвычайных налогов. В 1913 г. ученый опубликовал первый том итогового выпуска архивных документов по истории изучаемой им проблематики². Второй том вышел только в 1917 г. После этой публикации основной массив источников, на которых было основано его исследование, стал доступен широкому кругу профессионалов. Таким образом, Веселовский на практике реализовал идею «прозрачности» исторического изучения. На первый том написал рецензию А.М. Гневушев. Он поддержал стремление Веселовского пересмотреть источниковедческие оценки писцовых книг, считая их устаревшими. Автор отзыва признал огромное значение собранного материала, позволявшего проследить эволюцию как самого сошного письма, так и тех данных, которые оно предоставляло³.

Фундаментальный труд о сошном письме писался на протяжении многих лет. Сложно сказать, когда точно началась работа над монографией. Тем не менее очевидно, что историк не стремился издать ее поскорее в ущерб качеству. Особенно много времени отнимала работа в ар-

¹ *Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг.* / Сост. С.Б. Веселовского. М., 1911.

² *Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве.* Т. 1–2. М., 1913–1917.

³ *Гневушев А.М.* Рец. на: *Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве.* Т. 1. М., 1913 // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. 1914. Ч. 50. С. 167–176.

живах. Здесь, как, впрочем, и в других сферах наукотворчества, историк выработал собственные принципы работы. Он считал, что нельзя просто делать выписки из документов, так как исследователь не знает, какая информация из документов ему понадобится впоследствии. Исходя из этого, Веселовский предпочитал делать копии документов целиком, благо финансовое благополучие позволяло нанять штат переписчиков, специально работавших на него¹. Все это привело к тому, что историк создал собственное богатейшее собрание копий архивных исторических источников.

Во время работы ученый столкнулся с проблемой отсутствия в Москве коллег, занимающихся схожей проблематикой, научной среды, необходимой для консультаций и апробации полученных результатов. Хотя он делал доклады в Обществе истории и древностей российских², вынося свои наработки на суд научной общественности, этого явно было ему недостаточно. Пришлось консультироваться и делиться ходом своей работы с известным петербургским историком М.А. Дьяконовым. В одном из писем Веселовский писал: «Очень бы хотелось поделиться с Вами своими планами и наблюдениями. В Москве мне обо всем этом почти не с кем отвести душу»³. В дальнейшем Веселовский подробно освещал в переписке ход своей работы, акцентируя внимание в первую очередь на находках новых источников. Веселовский старался сделать свое исследование как можно яснее для восприятия, поэтому он постарался, где это было возможно, отказаться от иностранных терминов⁴. Такое понимание построения текста научного исследования перекликалось с подходом Ключевского к научно-историческому тексту.

В 1915 г. из печати вышел первый том, а в 1916-м — второй. Первый том печатался целых пять месяцев из-за неудачной брошюровки, и, по свидетельству Веселовского, за это время он внес много дополнений и исправлений во второй том. Отсюда те несогласованности, которые встречаются в книге⁵. Заканчивая монографию, историк находился

¹ Черепнин Л.В. Степан Борисович Веселовский // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 40; Зимин А.А. Несравненный Степан Борисович // Александр Александрович Зимин. М., 2005. С. 59.

² НИОР РГБ. Ф. 203 (Общества истории и древностей российских). П. 44. Ед. хр. 19.

³ С.Б. Веселовский — М.А. Дьяконову. 18 июня 1908 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 75.

⁴ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 92–93.

⁵ С.Б. Веселовский — А.Е. Преснякову. 18 августа 1916 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 225.

в подавленном состоянии. Причиной тому была не только затраченная энергия на написание столь капитального исследования, но и сомнение, что в условиях военного времени книга окажется уместной¹.

Исследователь вложил в труд много сил. В предисловии к книге Веселовский прямо относил себя к продолжателям таких специалистов по истории финансов допетровской Руси, как В.И. Сергеевич, А.С. Лаппо-Данилевский, П.Н. Милюков, И.Н. Миклашевский, М.А. Дьяконов, Н.А. Рожков и Ю.В. Готье. Несмотря на целый ряд предшественников, автор утверждал, что в изучении проблемы «не все было благополучно: некоторые вопросы не были поставлены совсем, другие — только поставлены, третьи разрешены не всегда правильно»².

Отличительной чертой книги Веселовского стало отсутствие предварительного историографического обзора. Сам автор объяснял это следующими соображениями: «Излагая свое исследование, я старался избегать полемики и не находил нужным делать обзоры литературы предмета. Poleмика по отдельным вопросам казалась совершенно ненужной во всех тех случаях, когда я основывал свои выводы на новых источниках... Поэтому я излагал и обсуждал существующие в литературе мнения только тогда, когда это представляло методологический интерес или было полезно для более ясного обсуждения и освещения вопроса. Что касается обзоров литературы предмета, то присутствие их в исследовании по первоисточникам мне представляется неудачным и нежелательным подражанием далеко не лучшей стороны германской научной литературы. Такие обзоры необходимы в учебниках и справочных изданиях, иногда уместны в сочинениях на ученые степени... но совершенно излишни в исследованиях по первоисточникам, предназначенных для читателя уже знакомого с литературой предмета»³. Данное утверждение весьма важно для понимания всего творчества Веселовского: оно объясняет систематическое отсутствие историографических введений в его исследованиях. Более того, в нем ученый отчетливо расставил акценты в своем понимании научности: приоритет должен отдаваться источнику, а не мнению других историков. Симптоматична в этом смысле рецензия Веселовского на книгу М.А. Островской. В ней ученый критиковал автора (кстати, первую женщину, защитившую диссертацию по истории в Петербургском университете) за увлечение научной полемикой: «...В своем изложении она постоянно отправляется от критики, сопоставления, одобрения или отрицания чужих взглядов, а не от существа вопросов и не от того огромного количества фактов,

¹ *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 г.... С. 94.

² *Веселовский С.Б.* Сошное письмо... С. III.

³ Там же. С. X–XI.

которое она собрала»¹. Приходится признать, что в данном вопросе, как показала практика, выдающийся историк оказался глубоко не прав. Историографический обзор является неотъемлемой частью стандарта научности, позволяет сориентироваться в массе литературы, что очень важно даже для искушенного читателя-профессионала.

Отсутствие историографического обзора осложняет задачу вписать книгу о сошном письме в историографический контекст. Поскольку Веселовский отказался дать такой обзор, то постараемся хотя бы частично восполнить этот пробел. В исторической науке к началу XX в. не сложилось единого мнения о сущности сохи как налоговой единицы и сошного письма. Так, по мнению В.О. Ключевского, соха — это «податная единица, заключающая в себе известное число тяглых посадских дворов или известное пространство тяглой крестьянской пашни»². П.Н. Милюков различал в истории сохи два периода: до половины XVI в. и последующий. С его точки зрения, в первый период соха не имела точного земельного эквивалента, а определялась количеством труда³. В своей работе, посвященной истории сельского населения, М.А. Дьяконов указал на значение сошного письма в закреплении крестьян⁴. Известный историк-юрист В.И. Сергеевич, в целом, присоединился к мнению Милюкова о переходе сохи от посильности обложения к разверстке по земле. При этом он признавал условность посошного обложения, отсутствие четкой фиксации этого налога⁵. Другого взгляда придерживался И.Н. Миклашевский. Он полагал, что по мере развития российской государственности сохи в разных частях страны унифицировались⁶. Таким образом, приходится констатировать неопределенность представления в исторической науке о системе сошного обложения.

Веселовский выбрал предметом своего исследования период развития сошного письма с конца XVI в. по 30–40-е гг. XVII в. Нижняя граница определялась кризисом сошного обложения, а верхняя — тем фактом,

¹ *Веселовский С.Б.* Рец. на: *Островская М.* Земельный быт сельского населения русского севера в XVI–XVIII вв. СПб., 1913 // *Голос минувшего.* 1914. № 5. С. 266.

² *Ключевский В.О.* Курс лекций по русской истории // В.О. Ключевский. Сочинения в IX томах. Т. III. М., 1988. С. 203–204.

³ *Милюков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С. 293.

⁴ *Дьяконов М.А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве. СПб., 1898. С. 31.

⁵ *Сергеевич В.И.* Древности русского права: В т. 3: Землевладение, тягло, порядок обложения. М., 2006. С. 250–295.

⁶ *Миклашевский И.Н.* Древнерусские поземельные кадастры. СПб., 1903. С. 34.

что после этого сошное письмо застыло в своей эволюции и постепенно сдало позиции подворному обложению¹.

В своей книге Веселовский скрупулезно изучил все аспекты эволюции сошного письма. Он выяснил механизм сбора информации писцами (чего не удалось Готье), заново проверил данные писцовых книг. Как пишет современный исследователь творчества Веселовского В.Д. Назаров, приемы анализа данных писцовых книг включали следующие приемы: а) определение типа книг; б) установление подлинности; в) определение места и времени копирования списков; г) «оценка степени сохранности и полноты»; д) установление процедуры описания; е) конкретный ход описания; ж) определение особенностей деятельности каждой группы писцов; з) «определение особенностей фиксации писцами различных цифровых данных»; и) «выявление других делопроизводственных материалов деятельности писцов»; к) сопоставление данных писцовых книг с другими источниками². Стоит отметить, что такой источниковедческий подход можно назвать системным, и он был более сложным, нежели предложенный предшественниками Веселовского, в частности Готье.

По итоговым заключениям автора, сошное письмо представляло собой безусловный кадастр, причем более совершенный, чем последующие подворные и подушные налоги. Но вывод историка о степени репрезентативности писцовых книг как исторических источников был неутешителен. В отличие от Рожкова и Готье, признававших большую или меньшую объективность писцовых данных, Веселовский доказывал, что соха определялась не количеством земли, а «посильностью», т. е. возможностью платить налоги³. А «посильность» — категория априори субъективная. Такой вывод объективно приводил к признанию того, что все данные источников условны. «Посильное тягло имеет определенно выраженный субъективный характер: обложению подлежат не земли и угодья, неivotы, не торги и промыслы и т. п., ... а индивидуальная тяговая сила тяглеца-хозяина. „По человеку глядя“, „по людям“ — вот самое краткое и определенное выражение идеи индивидуально-посильного тягла⁴. Несмотря на признание сошного письма кадастром, выводы Веселовского, по справедливому замечанию Л.В. Милова, «сводятся в сущности к отрицанию писцовых книг XVII в. как поземельного кадастра, как исторического источника, регистрирующего площадь важнейших сельскохо-

¹ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо... С. VII.

² *Назаров В.Д.* Проблемы феодального землевладения в трудах академика С.В. Веселовского // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 года). Кишинев, 1978. С. 221–222.

³ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо... Т. I. С. 99, 233 и др.; Т. II. С. 79, 528.

⁴ Там же. Т. II. С. 79.

зяйственных угодий»¹. По наблюдениям Веселовского, в сошном письме переписчики в большинстве случаев ориентировались на «мирские расклады», т. е. норму податей, установленную самим миром. Это не позволяло сформировать единый общегосударственный кадастр. «...Сошное письмо должно было выполнять назначение, вообще не свойственное кадастровому обложению, должно было служить эластичной основой для изменчивого в большей части обложения»². Государство предпочитало определять подати не с отдельных людей, а с мира, гарантируя тем самым налоговые поступления. В этом случае обложение приобретало отчетливый групповой характер. Таким образом, одной из новаторских идей исследования была мысль о том, что сошный оклад был «надстройкой» над мирским окладом.

Веселовский признавал сошное письмо вполне эффективной системой обложения. Но что же тогда привело к упадку сошного письма? Причины этому виделись автору в росте государственного аппарата, нужды которого сталкивались с интересами общества³. «Правительство с течением времени все более и более склонялось к тому, чтобы понимать посильное в смысле наивыгоднейшего для казны, но не разорительного для тягловцев тягла, а с другой стороны — развитием прямого обложения было вынуждаемо к внесению в окладное дело большего однообразия и объективных оснований»⁴. Заметим, что решение проблемы в духе акцентирования внимания на конфликте власти и общества, в общем-то, укладывалось в идейную «сетку» Московской исторической школы, где эта тема являлась одной из центральных. Договорные основания сошного письма противоречили государственному стремлению к унификации всех сторон жизни. Важнейшей причиной упадка сошного письма стало развитие служилого землевладения. Частный землевладелец был заинтересован в получении максимальной прибыли с земли, а этому противоречил принцип посильности обложения. Таким образом, сошное письмо разрушалось сразу с двух сторон: «Казна развивает общегосударственное обложение, сглаживая постепенно местные особенности тягла, и стремится приводить на место невыгодных ей государственных отношений принудительность обложения, а землевладельцы разрушают старину с точки зрения своих интересов и, развивая личное закрепощение крестьян... стремятся заменить договорные отношения хозяйственной зависимостью»⁵.

¹ Милов Л.В. Методологические проблемы источниковедения писцовых книг (О концепции С.Б. Веселовского) // История СССР. 1978. № 2. С. 131.

² Веселовский С.Б. Сошное письмо... Т. II. С. 534.

³ Там же. С. 526.

⁴ Там же. С. 528.

⁵ Там же. С. 548.

Признаки упадка сошного письма автору виделись в следующих явлениях: уменьшение сошных окладов¹, попытки государства найти другие источники дохода², «неудача правительства в попытке создать общегосударственную окладную единицу»³.

Помимо генеральной концепции, в монографии существует еще немало любопытных наблюдений. Так, касаясь чрезвычайных налогов, С.Б. Веселовский категорически не соглашается с мнением П.Н. Милюкова об особом пути развития русской финансовой системы, которое вписывалось в так называемую «теорию контраста» последнего. По мнению Милюкова, в отличие от Европы, где прямое обложение занимало главенствующую роль, в России казна пополнялась за счет чрезвычайных сборов⁴. Веселовский на новом материале и путем сравнения податных систем России и Западной Европы (помогли фундаментальные знания, приобретенные в ходе работы над кандидатским сочинением) опроверг это мнение. Он показал, с одной стороны, что значение прямых налогов в государственном бюджете Московского государства было велико, а с другой — указал на большое значение чрезвычайных в европейской истории⁵. Таким образом, в работе есть элементы и сравнительно-исторического исследования. Более того, Веселовский, видимо, не соглашался с радикальным размежеванием отечественной и европейской истории. Любопытно отметить и то, что, с точки зрения Веселовского, поместное землевладение в России долгое время носило «прекарный характер», что сближало его с европейским.

Нестандартную трактовку историку удалось предложить и по проблеме так называемой «живущей чети», впервые открытой еще А.С. Лаппо-Данилевским. Веселовский считал, что это окладная единица, носящая, по мнению большинства историков, переходной характер от «сохи» ко «двору», на самом деле не была самостоятельной единицей, а только техническим усовершенствованием сохи. «Главная цель дворовой чети состояла не в каких-либо новшествах, а в обновлении и сохранении разрушавшегося сошного письма»⁶.

Появившаяся книга интересна в первую очередь филигранной источниковедческой работой и высокой концентрацией фактического материала. Веселовский крайне осторожно делал какие-либо выводы

¹ Там же. С. 535.

² Там же. С. 537.

³ Там же. С. 539–540.

⁴ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. М., 1892. С. 23–25.

⁵ Веселовский С.Б. Сошное письмо... Т. I. С. 37–42.

⁶ Там же. Т. I. С. 13; Т. II. С. 484.

концептуального свойства. Сам автор отмечал свою скрупулезную работу над источниками: «...Некоторые места, особенно во втором томе, представляют очень сложную комбинацию различных методов мышления и исследования»¹. На монографию поступило множество отзывов, как официальных, так и неофициальных. Начнем с первых.

По выходу первого тома появился один отзыв, во многом формальный, поскольку научная общественность ждала выхода книги целиком. В нем К.В. Кудряшов писал, что «книга интересна для специалиста» и «богата содержанием», а «некоторые наблюдения... весьма любопытны»². Серия рецензий появилась после публикации второго тома. Первым появился отзыв в библиографическом обзоре в «Исторических известиях», написанный Готье. Несмотря на критику Веселовским его работы «Замосковский край...», тон обзора был спокойный, а монография названа «крупным исследованием»³.

А вот рецензия М.М. Богословского стала резкой и вскоре приобрела скандальный оттенок. Рецензент обвинял Веселовского в сумбурности изложения материала, отсутствии какой-либо системы и последовательности⁴. «Составление книги требует некоторого искусства архитектоники — и вот этим искусством автор не в достаточной мере владеет... Его книга... ряд довольно случайно сцепленных между собой частей»⁵. Не было, по мнению Богословского, продумано и само понятие сошного письма, что привело к размытости предмета анализа. Он признавал, что Веселовский «большой знаток приказного делопроизводства XVII в.», но в то же время автора рецензии не удовлетворял тот факт, что Веселовский, «пользуясь архивными данными, не всегда руководствуется чувством меры, приводит чрезмерное количество фактов, громоздит их один за другим и этим затемняет основные нити своих рассуждений и крайне затрудняет для читателя усвоение главной мысли»⁶. Более того, Веселовский, по словам Богословского, настолько увлекается делопроизводственными документами, что начинает писать

¹ *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 108.

² *К-шов.* Рец. на: Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1 // Исторический вестник. 1915. Т. 141. С. 638–639.

³ *Литература* по русской истории (март–сентябрь) // Исторические известия. 1916. № 2. С. 135.

⁴ *Богословский М.М.* Рец. на: Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1–2 // Исторические известия. 1916. № 2. С. 68.

⁵ Там же. С. 69–70.

⁶ Там же. С. 79.

языком дьячков. Негативную реакцию вызвала и нарочитая «неконцептуальность» монографии: «...Способность нашего автора вживаться в приказную обстановку XVII века нередко мешала ему усвоить более высокую точку зрения и более широкий взгляд на исследуемые явления, и он смотрит на них сквозь узенькое оконце приказной хоромины XVII века»¹. И еще: «Сопоставляя исследование г. Веселовского с актами, которые он присоединяет к исследованию в виде приложений, можно сказать, что обеим этим работам автор дает неправильное взаимоотношение. На самом деле не акты писцового дела служат приложением к книге, а книга... имеет значение комментариев к изданным актам писцового дела»².

Здесь уместно вспомнить, что для старшего поколения Московской школы свойственно стремление к построению концептуальных исследований, о чем говорилось выше. Работы нового поколения (а в таком же ключе уже была во многом написана книга Готье, будут написаны монографии А.И. Яковлева и первые статьи С.В. Бахрушина) в противоположность старшим коллегам отличались высокой концентрацией фактического материала, часто в ущерб доступности материала, повышенной фундированностью и предельной осторожностью выводов. Сравнение книги Веселовского с работами Богословского — наглядное тому подтверждение. Например, исследование последнего об областной реформе Петра I³ предваряется высоко концептуальной первой главой, где автор сразу расставляет все точки над *i*. Да и архивных источников в работе Богословского не в пример меньше, и играют они зачастую иллюстративное значение. Таким образом, полемика двух историков имеет не частный характер, а является «столкновением» двух принципов научно-исторической работы.

Справедливости ради надо отметить, что рецензия Богословского вызвала осуждение в научном мире. Даже в душе согласные с ним историки считали, что нельзя критиковать за структуру исследования, а критика должна быть по существу. Наглядную картину дает переписка Веселовского с другими историками. М.А. Дьяконов писал о «срамной критике Богословского»⁴. Мягко осудил его позицию и С.Ф. Платонов, назвав ее не совсем ясной⁵. А.Е. Пресняков назвал поступок Богослов-

¹ Там же. С. 81.

² Там же. С. 85.

³ *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. М., 1902.

⁴ *М.А. Дьяконов* — С.Б. Веселовскому. 20 ноября 1916 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 149.

⁵ *С.Ф. Платонов* — С.Б. Веселовскому 28 ноября 1916 г. // Там же. С. 185.

ского «странным»¹. А.И. Заозерский выразился резко: «Статья [Богословского. — В.Т.] громко свидетельствует, что автор плохо владел собой, когда писал ее. Удивительное несоответствие между тоном и содержанием! Критик гремит по поводу недочетов технического свойства и в то же время отрывочными указаниями или просто намеками, должно быть против воли, дает почувствовать читателю, что речь идет о работе огромной ценности»². Киевский историк А.М. Гневушев призывал Веселовского отнестись спокойно к критике, объясняя ее боязнью конкуренции со стороны Богословского³. Вскоре появилась положительная рецензия А.А. Кизеветтера, представлявшего круг коллег и друзей Богословского, что способствовало разрядке ситуации, поскольку стало ясным, что не все представители старшего поколения резко против книги. Кизеветтер утверждал: «Глубина детального анализа каждого входящего в тему вопроса соперничает здесь с широтой научного кругозора исследователя»⁴. Он признавал огромное значение монографии для последующего развития социально-экономической истории.

Сам Веселовский был раздосадован и уязвлен рецензией Богословского. Надо отметить, что он был, с одной стороны, очень амбициозным человеком, а с другой — очень ранимым. В письме М.А. Дьяконову он писал, что «считает себя вынужденным ответить», а если ему не дадут трибуну в московских журналах (видимо, Веселовский считал эту «акцию» спланированной), то напечатает ответ в одном из петербургских, хотя понимает, что это «не улучшит отношений между Москвой и Петроградом»⁵. По его мнению, «статья г. Богословского настолько несправедлива, топорна, тенденциозна и бестактна, что я лично ею совершенно не затронут, и отвечаю [в ответной статье. — В.Т.] совершенно спокойным тоном на тему главным образом о задачах и приемах ученой критики»⁶.

Его публичный ответ не заставил себя ждать. В нем историк указывал на некорректность прозвучавшей критики. Он писал: «...В статье г. Богословского мы не найдем обычного содержания ученых рецензий: ни критики и оценки содержания и выводов моей книги, ни оценки моих методов и приемов исследования, ни указаний на научную ценность

¹ А.Е. Пресняков — С.Б. Веселовскому 24 декабря 1916 г. // Там же. С. 227.

² А.И. Заозерский — С.Б. Веселовскому. 10 ноября 1916 г. // Там же. С. 264.

³ А.М. Гневушев — С.Б. Веселовскому. 10 апреля 1916 г. // Там же. С. 373.

⁴ Кизеветтер А.А. Рец. на: Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915–1916. Т. 1–2 // Русские ведомости. 18 мая 1916 (114). С.

⁵ С.Б. Веселовский — М.А. Дьяконову. 19 ноября 1916 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 147.

⁶ Там же. С. 148.

многочисленных и разнородных источников, в значительной степени новых, которые положены в основу моей работы»¹. В том же номере «Исторических известий» была напечатана и заметка Богословского², где он, в конце концов, призывал закончить полемику. Видимо, на это решение повлияло и неофициальное давление со стороны научного сообщества.

Другие рецензии были в целом положительными. Б.Д. Греков подчеркивал, что «выводы автора кажутся совершенно неизбежными и убедительными». Он отметил «изобразительность и ясность изложения»³. Наиболее обстоятельную рецензию написал М.А. Дьяконов, в частной переписке давно отмечавший, что некоторые выводы Веселовского вызывают у него возражения. В отзыве автор признавал, что «исследование... является, бесспорно, весьма важным приобретением русской исторической науки последнего времени»⁴. Главной заслугой автора он считал введение в научный оборот массы нового материала. Заочно полемизируя с Богословским, он писал, что большой объем исследования обусловлен этой самой массой новых документов⁵. В то же время Дьяконов не согласился с тезисом Веселовского о том, что в работе по первоисточникам не нужен историографический раздел. В содержательной части рецензент возразил автору в вопросе о постепенном исчезновении посильности обложения⁶. Тем не менее, подводя итоги, Дьяконов писал: «...Каковы бы ни были сомнения читателей... они ни в какой мере не колеблют высокого научного интереса и научной важности этого труда»⁷.

Более критично петербургский историк выступил через несколько лет в статье, посвященной истории изучения «живущей четверти» в русской исторической литературе⁸. В работе он вновь подчеркнул, что Веселовский ввел в научный оборот большое количество нового архивного материала. Тем не менее он не согласился с точкой зрения автора «Сош-

¹ *Веселовский С.Б.* Ответ профессору М.М. Богословскому // Исторические известия. 1916. № 3–4. С. 159.

² *Богословский М.М.* По поводу ответа С.Б. Веселовского // Там же. С. 175–181.

³ *Греков Б.Д.* Рец. на: Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1–2 // Русская мысль. 1917. № 1. С. 5.

⁴ *Дьяконов М.А.* Посильность обложения // Русский исторический журнал. 1917. № 1–2. С. 46.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Там же. С. 60.

⁸ *Дьяконов М.А.* «Живущая четвь» в исторической литературе // Русский исторический журнал. 1918. № 5. С. 134–176.

ного письма» о том, что «живущая четъ» не является особой окладной единицей. Во взгляде Веселовского на данную проблему Дьяконов отметил непоследовательность и неопределенность, указав, что «его категорическое утверждение в значительной мере ослабляется его же собственными существенными оговорками и отступлениями»¹. Сам Дьяконов присоединился к точке зрения П.Н. Милюкова, который считал, что под старым названием «живущая четъ» существовала особая окладная единица, которая отражала уже подворное обложение. «В итоге нельзя не признать, что хотя С.Б. Веселовскому удалось осветить ряд подробностей в истории живущей или дворовой чети, но основной вопрос об условиях ее возникновения остается по-прежнему столь же спорными каким он стоял до появления исследования о „Посошном обложении“, а мнение его о дворовой чети... в основе его совершенно ошибочным», — заключал автор статьи².

Рецензию написал, но не опубликовал Яковлев³. Возможно, причиной тому было то, что он, учитывая негативный отзыв Богословского, тактично не хотел осложнять Веселовскому получение степени доктора за монографию (о чем ходили разговоры). В ней он писал, что Веселовский сумел решить множество частных вопросов. Например, Яковлеву показалась убедительной мысль о «живущей чети» как модификации посошного обложения⁴. При этом он отмечал и промахи, в первую очередь технические: «Недостатками работы является разбросанность и недостаточная законченность в выражении тех основных идей, которые поддерживает автор»⁵.

Огромное количество отзывов на книгу можно найти в частной переписке Веселовского с коллегами-историками. Тот же М.А. Дьяконов после прочтения первого тома признавался: «Не могу сказать, чтобы книга Ваша легко читается. Масса цифр и выкладок для меня всегда трудно переварима»⁶. Тем не менее он находил в книге много любопытного. А.Е. Пресняков, внимательно ознакомившийся с монографией, признавался, что книга ему «нравится до чрезвычайности и очень, очень много дает». В то же время он отметил, что отдельные тезисы не согласованы⁷. В ответном письме Веселовский развернул весьма интересные и важные для понимания его методологических взглядов рассуждения. На упрек

¹ Там же. С. 173.

² Там же. С. 176.

³ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 164.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ М.А. Дьяконов — С.Б. Веселовскому. 8 января 1915 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 138.

⁷ А.Е. Пресняков — С.Б. Веселовскому. 9 августа 1916 г. // Там же. С. 224.

в противоречивости утверждений историк замечал: «А разве в жизни, теперь и прежде, нет противоречий и мало несогласованностей? Присутствие же в изложении сложной картины прошлого, на мой взгляд, есть признак того, что оно (изложение) более или менее близко к правде»¹. В данном отрывке историк в очередной раз подтвердил свою приверженность исторической правде, а не умозрительным отвлеченным схемам.

Дальнейшие рассуждения Веселовского открывают неожиданную сторону его научного мировоззрения. Он признавал, что предлагает схему развития сошного письма, но «это не действительность, а мой образ понимания прошлой действительности. Очень желательно, чтобы автор излагал свое исследование ясно, чтобы читатель мог всегда различать, что сам автор считает установлением факта и фактов, а что своим обобщением, но, думается, что это в полной мере недостижимо — к этому можно только приближаться, так как значительная часть обобщений, мелкие и крупные, формируются за пределами сознания исследователя»². Сомнение во всеильности разума ученого, ранее не отмеченное исследователями творчества Веселовского, позволяет отметить приверженность историка ко второму поколению позитивистов (представителями которого в философии были Мах и Авенариус). В их понимании исследователь не способен абсолютно адекватно оценить явление, поэтому ему предпочтительнее сконцентрироваться на описании фактов³. Отсюда — признание ущербности любой теории и даже сомнение в правильной интерпретации фактической стороны исторического явления. В этом научные представления Веселовского находятся в русле эмпириокритицизма (правда, очень умеренного). Показательно, что они совпадают с идеями Р.Ю. Виппера, которого исследователи называют самым ярким представителем эмпириокритицизма не только в России, но и в мире⁴. Выдающийся историк считал, что познание условно, а в ходе исследовательской практики нельзя увлекаться абстрактными понятиями, которые «убивают жизнь». Подобные мысли Виппер обнародовал еще в 1900 г. в одной из своих статей⁵ и развивал их в дальнейшем⁶. В зарубежной историографии наиболее полно такой взгляд был представлен

¹ С.Б. Веселовский — А.Е. Преснякову. 18 августа 1916 г. // Там же. С. 225.

² Там же.

³ Шкуринов П.С. Указ. соч. С. 248–250.

⁴ Софронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976. С. 157.

⁵ Виппер Р.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 3. С. 457.

⁶ Подробнее см.: Малинов А.В. Теоретико-методологические искания в русской исторической и философской мысли второй половины XIX — начала XX века. СПб., 2009. С. 262–326.

в знаменитой книге Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса о методике исторического исследования, где также знание о прошлом рассматривалось как образ в голове ученого¹.

Восторженный отзыв пришел от петербургского историка А.И. Заозерского. Он описал восприятие книги в среде петербургских историков: «...В кругу здешних молодых историков общее впечатление от Вашей книги то же, что и у меня: ее оценивают, как исключительную по содер- жательности. Старые говорят комплименты, но как будто недостаточно еще раскачались...»².

Историк из Киева, П.П. Смирнов, также в комплиментарных выра- жениях описывал свое впечатление от монографии. «Книга Ваша... про- изводит впечатление очень крепкого добротного материала, дает целый ряд новых выводов, идущих... непаханой целиной. Вместе с тем она в не- которых местах написана прекрасно, так что не только не трудна, но увлекает читателя, хотя ее надо читать по два раза»³. При этом он отме- тил излишнюю, по его мнению, осторожность Веселовского в итоговых выводах. А другой киевский исследователь, А.М. Гневушев, утверждал: «Всю историю изучения прямого обложения в Московском государстве теперь надо делить на два периода: до выхода в свет вашей книги и после него... Словом, это одна из тех работ, которые делают устаревшим целое предшествующее направление»⁴. Историк-юрист Ф.В. Тарановский счита- л, что «Сошное письмо» — «наиболее цельное произведение по исто- рии русского права за последние годы». Отметив собранный обильный материал, в то же время Тарановский усмотрел в работе Веселовского солидные теоретические познания⁵.

В частной беседе по поводу первого тома С.Ф. Платонов признал, что со стороны петербургских историков, в первую очередь «молодежи», к монографии интерес огромен. Кроме того, Платонов отметил «ясный и определенный язык» исследования⁶.

6 февраля 1915 г. в Секции социальной истории Общества им. А.И. Чупрова Веселовский выступил с рефератом только что вышедшего первого тома «Сошного письма». Во время прений А.А. Кизеветтер, не- смотря на ряд вопросов, признал, что «книгу надо не читать, а изучать»,

¹ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. 2-е изд. на рус- ском языке. М., 2004. С. 204.

² А.И. Заозерский — С.Б. Веселовскому. Не позднее середины мая 1915 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 259.

³ П.П. Смирнов — С.Б. Веселовскому. 24 января 1915 г. // Там же. С. 332.

⁴ А.М. Гневушев — С.Б. Веселовскому. 24 февраля 1915 г. // Там же. С. 370.

⁵ Ф.В. Тарановский — С.Б. Веселовскому. 7 октября 1916 г. // Там же. С. 279.

⁶ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 91–92.

настолько велико ее значение. А Готье выразил удовлетворение по поводу того, что Веселовский по-новому рассмотрел и решил проблему живущей чети¹.

Подводя итоги общей оценке монографии, Веселовский сделал следующую запись в дневнике: «Если соединить все отзывы, письменные и устные, то приходится думать, что я написал действительно исключительное произведение»². Действительно, влияние работе на исследовательский процесс было весьма значительным. После ее выхода резко спал интерес к писцовым книгам, породив, по замечанию Л.В. Милова, «гиперболизацию проблемы достоверности писцовых книг»³.

Итак, монография «Сошное письмо» вызвала значительный интерес в научных кругах. Причем внимание и положительная оценка нового исследования, построенного на новых принципах архитектоники текста, критериях научности, структурировании материала и т. д., были значительно выше со стороны молодого поколения историков, как московских, так и представителей других научных центров Российской империи. Хотя оценки старшего поколения нередко также были комплиментарными, но при этом значительно более сдержанными. Объясняется это не только повышенным вниманием со стороны молодого поколения к данной проблематике, но и новыми методологическими веяниями. Так, монография Веселовского стала ярким примером реализации на практике идей так называемого «второго позитивизма», представители которого отталкивались от синтеза идей Конта и Канта. С методологической точки зрения, именно этим можно объяснить нарочитую описательность и осторожность выводов историка. Конечно, есть соблазн сослаться на присущую Веселовскому скрупулезность в исследовании, стремлении поступательно идти к истине и т. д., т. е. методике исследования, но отдельные высказывания в письмах и дневниках (см. выше) указывают на его приверженность именно такому методологическому подходу, хотя сам историк методологией старался не заниматься. Тем не менее, несмотря на резонанс, монография Веселовского не сыграла такой же роли, как в свое время книга В.О. Ключевского «Боярская дума древней Руси». Возможно, этому помешало беспокойное время.

Монографии Готье и Веселовского стали важнейшим событием в научном мире. Дополняя друг друга и одновременно построенные на противоположных концепциях, они надолго стали ориентирами в исследованиях социально-экономической истории XVII в. Неоднозначной была

¹ Там же. С. 92.

² Там же. С. 108.

³ *Милов Л.В.* Методологические проблемы источниковедения писцовых книг... С. 142.

оценка книг последующими специалистами. Более «счастливую» судьбу имел труд Готье. В 1937 г. вышло ее переиздание. В фундаментальной «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейн оценивал ее как исследование с широкой документальной базой, сконцентрированное на анализе социально-экономических проблем, несмотря на давление «юридической схемы Ключевского»¹. В «Очерках истории исторической науки в СССР» Л.В. Черепнин утверждал, что «многие наблюдения Готье прочно вошли в историческую науку»². Ленинградский историк А.Л. Шапиро также отметил положительную роль монографии Готье в историографии: «Значение книги Готье заключается в том, что главное внимание здесь уделялось народному, а не государственному хозяйству Руси XVII в. Это был первый капитальный труд, в котором вопросы развития землевладения и сельского хозяйства в важнейшем центральном районе страны рассматривались на протяжении всего предшествующего петровским реформам столетия»³. Среди современных специалистов по экономической истории и исторической географии авторитет работы Готье также по-прежнему высок: «До сих пор, — утверждает М.Ю. Зенченко, — наши знания по историческому районированию базируются на работе Ю.В. Готье»⁴.

Меньше лавров досталось исследованию Веселовского. Так, Г.Е. Кочин упрекал Веселовского в излишнем скептицизме в отношении писцовых книг⁵. Даже поклонник таланта Веселовского, А.А. Зимин, признавал, что книга получилась сумбурной⁶. В учебном пособии под редакцией В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева в разделе, написанном И.К. Додоновым, говорилось, что «все обширное исследование Веселовского вращалось вокруг формально-юридических приемов... Он намеренно не затрагивал вопроса о том, как в писцовых книгах отражались социально-экономические отношения»⁷. Поддержал эти мнения и А.Л. Шапиро: «„Сошное письмо“ написано довольно бессистемно и лишено сколь-нибудь серьезных обобщений»⁸. Суровой критике подверглась и сама источниковедческая

¹ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 500.

² ОИИИ. Т. III. С. 331.

³ Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. СПб.; Тверь, 1993. С. 597.

⁴ Зенченко М.Ю. Каталог писцовых книг русского государства XVI–XVII веков: проблемы решения // АЕ за 2005. М., 2007. С. 275.

⁵ Кочин Г.Е. Писцовые книги в буржуазной историографии // Проблемы источниковедения. Т. II. М.; Л., 1936. С. 183.

⁶ Зимин А.А. Несравненный Степан Борисович // Александр Александрович Зимин. М., 2005. С. 59.

⁷ Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1961. С. 430.

⁸ Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 662.

концепция писцовых книг, предложенная историком. В полемической статье Л.В. Милов, подробно рассмотрев «Сошное письмо», отметил ряд серьезных недостатков. Так, он указал на то, что мысль Веселовского об относительности данных писцовых книг строится в основном на данных по черносошному Северу, в то время как рассмотрение всех регионов дает значительно более адекватную картину¹. Не согласился современный историк и с трактовкой многих исторических терминов в работе мэтра. Подводя итог, Милов писал: «Слов нет, проверять источник можно и нужно, но вместе с тем необходимо уяснить, что в основу писцовых описаний был положен формальный объективный критерий (площадь земли) и именно данное обстоятельство делает этот массовый источник в целом вполне приемлемым объектом статистической обработки»². Таким образом, в современной исторической науке победила точка зрения, идущая от Рожкова и Готье, о репрезентативности писцовых книг как исторического источника.

Стоит задаться вопросом, почему судьба фундаментальной монографии Веселовского оказалась столь неоднозначной. Думается, причина лежит не только в тех чисто научных недостатках, которые в ней, безусловно, были, но и опять-таки в архитектонике текста исследования. Если Готье сразу, путем использования методов статистики, обозначил экономический характер своего исследования, то работа Веселовского была построена по иному принципу, внешне более «старомодному». Он сознательно отказался от статистической обработки полученных данных, что вытекало, с одной стороны, из его концепции писцовых книг как недостоверного источника, а с другой — отвечало его стремлению описать историческую действительность во всей ее сложности, в то время как применение метода средних чисел неизбежно подталкивало бы к упрощению. Такой подход привел к убеждению советских историков в том, что историк пользуется историко-юридическими методами исследования. Между тем во многих местах работы Веселовского вопросы экономики занимают преобладающее значение (сказывалось и лучшее знание политэкономии, полученное на юридическом факультете). Вызывает возражение и мнение о Веселовском как историке, изучавшем только юридическую сторону вопроса, не вдаваясь в реальные социально-экономические отношения в обществе. Данный постулат легко опровергается тем фактом, что историк не удовлетворился анализом только законодательных актов, а провел тщательное исследование архивных источников на предмет соответствия буквы за-

¹ *Милов Л.В. Методологические проблемы источниковедения писцовых книг... С. 133.*

² Там же. С. 142.

кона реальному положению дел. Такой ракурс исследования отличал собственно историков от историков-юристов, хотя в начале XX в. их позиции и сблизились. Видимо, повлияло на указанные оценки и то, что Веселовского активно критиковали в 1940–1950-е гг. во время кампании по борьбе с «буржуазным объективизмом» именно как историка, игнорирующего реальный социально-экономический процесс в угоду формально-юридическому подходу. Данные оценки «перекочевали» в последующую историографическую литературу.

3. Исследование Ю.В. Готье «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II»

После защиты магистерской диссертации Готье продолжил активную работу не только в области музейного дела и собственно научно-исторических исследований, но и в сфере археографии. Он читал в Московском университете курс по русской истории. Как лектор Готье, по воспоминаниям современников, не блистал¹. Н.М. Дружинин, в будущем известный историк, писал в своем дневнике: «Чувствуется в нем солидное знание, его лекции для меня будут полезны»².

До нас дошла студенческая литография, хранящаяся в Российской государственной библиотеке, курса русской истории, читанного в 1906/1907 гг. При ближайшем рассмотрении становится очевидной зависимость лекций Готье от «Курса русской истории» Ключевского. Молодой историк старался во всем следовать своему учителю, по сути, прочитав сокращенную версию курса учителя до XVI в. В этом смысле ничего оригинального курс не привносит. Видимо, поэтому Готье никогда не включал его в список своих публикаций. Тем не менее, интерес представляет введение, где историк, в значительной степени следуя Ключевскому, описал свое понимание сущности исторического знания.

Он признавал, что история может изучать как индивидуальные явления, так и закономерности. Хотя второе — это задача социологии, которую Готье рассматривал как высшее знание³. При этом знание истории — непременное условие успешной работы социолога. Правда, в отношении русской истории ученый высказывал традиционный для своего времени научный пессимизм, считая, что процессы, проходившие в русском обществе, примитивны, поэтому не могут быть очень ценным материалом для

¹ Изюмов А. Страничка воспоминаний // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага, 1937. С. 210.

² Дневник Николая Михайловича Дружинина // ВИ. 1995. № 11–12. С. 136.

³ Готье Ю.В. Лекции по русской истории: Литография. М., 1907. С. 3.